

Перевод и редакция: Naidēs

Через несколько дней пришло время отъезда Ван Ши. Чанбай провожал мать туманным утром. Хуалань и Жулань, обнимая друг друга, прощались с ней со слезами на глазах. Ван Ши рыдала, а Чанбай тем временем произнёс:

— Уходи раньше, раньше вернёшься.

Десять лет, целых десять лет! Зачем уходить раньше, чтобы раньше вернуться, когда срок целых десять лет! Ван Ши сердито сжала зубы.

С тех пор две невестки взяли на себя ответственность за управление поместьем семьи Шен, а наложница Сян теперь отвечала за приготовление пищи и повседневные потребности Шен Хуна. Всё было в порядке.

Без людей, которые ссорятся каждый день, и в окружении кротких наложниц, Шен Хун, на самом деле, чувствовал себя немного одиноким, и однажды он сказал Чанбаю:

— Характер твоей матери, на самом деле, не так уж плох. Я сожалею.

Хай Ши пришла навестить Минлань и та, выскользнув из комнаты, села на кушетку с широкой улыбкой.

— Пожилой госпоже становится всё лучше и лучше. Теперь она может пройти вокруг пруда полкруга, и даже ест на полчашки риса больше за один приём пищи. Мой муж сказал, что, поскольку ей лучше, после того, как он закончит отчет о работе, он может вступить в должность в провинции.

— На этот раз возьми с собой всех своих детей, — улыбнувшись, сказала Минлань.

— Твой брат хочет просветить Чанфена, — глаза Хай Ши загорелись, возможность забрать детей была её мечтой. — Он считает, что девочки должны получать подобающее воспитание, а сейчас... Ха-ха, старый человек, воспитывающий детей, какими бы они ни были, неизбежно будет снисходительным!

— Правильно, кто может сравниться с нашим старшим братом? Он самый зрелый и благоразумный ребёнок среди всех нас! — в шутку сказала Минлань.

На самом деле, она глубоко сочувствовала ребёнку Чанбая. С таким отцом какое трагическое его ждёт детство! После того как Гу Тинье вернулся, она спросила его, зная, что он

придерживается противоположного мнения. Пока он гладил Туаня по голове, он ответил:

— Я уже говорил. Подумав об этом, я хочу сказать нашему сыну: если тебе нравится заниматься боевыми искусствами, я найду тебе столько наставников, сколько потребуется. Но если ты хочешь заниматься литературой... Я должен обратиться за помощью к твоему дяде.

— Ты тоже можешь этим заняться! — Минлань была в шоке. Не то чтобы он никогда не видел, каким строгим бывает Чанбай. Он даже жестоко наказал свою собственную мать! Ему даже не нужно было шевелить пальцами, чтобы его слуги сделали, что ему требуется!

— Я не могу сделать это сам, поэтому я должен попросить других сделать это, — взяв на руки своего толстого сына, вздохнул Гу Тинье.

Минлань не нашла слов.

Жара в тот день была настолько удушающей, что у людей перехватывало дыхание, а Минлань в это время должна была быть особенно осторожной со льдом. Из-за этого ей хотелось сорвать с себя одежду. Жара была такой, что беременным было тяжело, но молодым мамам было ещё тяжелее.

В начале сентября младшая Шень Ши, наконец, родила. Она мучилась день и ночь, чтобы родить дочь. Минлань слышала, что её жизнь была в опасности, но она не могла прийти в гости, будучи в положении, но её навестила госпожа Чжэн и принесла благословение, перевязанное красной нитью.

— Несколько дней назад я попросила этот амулет в храме Гуандзи, — сказала она. — Один для младших брата и сестры, надеюсь, с ней всё будет хорошо. Позже я узнала, что у вас будет ребёнок, поэтому, попросила и для вас.

Госпожа Чжэн выглядела усталой и вялой.

— Хотя я не думаю, что есть какой-то эффект, даже если носить его, — добавила она.

— Что произошло?

— На этот раз мои младшие брат и сестра сильно пострадали, — вздохнула госпожа Чжэн. — Императорский лекарь сказал, что роды были слишком тяжёлыми, и в будущем ей нелегко будет вновь забеременеть. Она так молода... Что я должна делать?..

Минлань некоторое время молчала, обдумывая ответ.

— Вы всегда были добры ко мне, сегодня я беру на себя смелость сказать кое-что, пожалуйста,

успокойтесь, — принялась мягко убеждать она. — Быть может, так сработало благословение. Сестрица Шень могла умереть, но осталась жива.

Госпожа Чжэн верила в буддизм, поэтому вздохнула.

— Забудь об этом, — она сложила руки на груди и прошептала. — У этого ребёнка плохие отношения с родителями, её воспитывали братья и сёстры... Единственная надежда, что Будда благословит её детьми.

Встретив такого хорошего человека с действительно благородным характером, наделённого терпением, терпимостью, благосклонного к другим и доброго, Минлань не знала, что ещё тут можно было сказать. Поэтому, поговорив для приличия ещё немного, она попросила слуг принести Туаня и положить его на мягкую кушетку. Если не можешь поддержать диалог, измени его направление!

Центр тяжести у маленького толстяка ещё был нестабилен, он, пошатываясь, делал несколько шагов и плюхался на мягкое место или на четвереньки. Так продолжалось до тех пор, пока он не уставал. Каждый раз, как он падал, он сердился, бил мягкую кушетку своим маленьким толстым кулачком и снова поднимался. Он быстро рассмешил госпожу Чжэн, она переключила внимание, несколько раз обняла его и даже поцеловала. С её обычным не улыбочивым и торжественным поведением такие действия были действительно редкостью.

Проводив госпожу Чжэн, Минлань порадовалась, что беременна. Иначе что бы она сказала, когда пошла навестить младшую Шень Ши?

Минлань взяла веером и, обмахиваясь им, тяжело вздохнула. Она всё ещё не была достаточно натренированной для всех этих бесед.

Жара была невыносимой. Жун и Сянь отдыхали, словно у них были летние каникулы, им нужно было посещать школу всего один или два дня каждые десять дней. В свободное время Минлань учила их кое-каким домашним делам. Никто из них не станет второй Гу Тинцань и сможет управлять домом!

Она нашла в архиве несколько старых учётных книг, выбрала четыре книги для закупок еды и попросила двух девочек разобраться с ними. Им не разрешалось обмениваться информацией, через десять дней они пришли к Минлань, чтобы рассказать о результатах. Сянь увидела пять ошибок в подсчётах, а Жун восемнадцать.

Размахивая красивым веером, Минлань призвала их двоих говорить свободно.

—...поскольку деревня присылает продукты, поместье покупает продукты только два или три раза в год, — Жун начала первой. — Но в учётной книге написано, что они покупают почти каждый месяц и не один раз, и каждый раз продукты дороже, чем в прошлую закупку. И если мы цены весной и летом разные, как и цены в разные года, но цены в один и тот же месяц?..

Здесь точно что-то не так!

Чем больше она говорила, тем более сердитой казалась. Как будто желала поймать слуг, которые отмывали деньги, и избить их.

Второй говорила Сянь.

— Я не думаю, что управление должно быть слишком строгим, — слегка улыбнулась она. — Не всегда хорошо наказывать за украденные деньги. Иногда это может оказаться большой жестокостью из-за мелочи. Я... — её лицо покраснело. — Я проверила приложение и увидела, что в те года еда была дорогой из-за наводнений, и я слышала, что люди говорили о том, что три года после наводнений было тяжело. Наверное, поэтому учётная книга выглядит так...

— Я... Я тоже читала приложение, — Жун тут же покраснела. — Везде было написано о всевозможных трудностях, всегда очень уклончиво. Я думаю, это фальшивый документ...

— Тогда, какие у вас есть доказательства? — улыбнулась Минлань.

— Как можно проверить старый жёлтый календарь десятилетней давности? — две девочки одновременно покачали головами.

— Хорошо, я дам вам ещё несколько дней, чтобы посмотреть, сможете ли вы что-нибудь узнать.

Жун и Сянь посмотрели друг на друга, но у них не было другого выбора, кроме как выйти. Десять дней спустя они, взволнованные, бросились на поиски Минлань.

Сянь заговорила первой, прежде, чем утереть со лба пот, выступивший от бега.

— Я нашла пожилую женщину, убирающую задний двор. Её семья — фермеры, которые жили недалеко от Кёнги. Она сказала, что тридцать восемь лет назад погода в мире была очень хорошей, и что она ела хлеб, приготовленный на пару, с самого детства, но когда ей было за тридцать, произошла беда, и она повела своих сына и дочь на службу сюда.

Выражение лица Жун также было очень взволнованным.

— Я позаимствовала ежегодник у госпожи Сюэ, и в нём было указано, что, хотя в те годы стояла хорошая погода, и число населения росло, император забирал много продовольствия для войск, и цены на продукты сильно выросли. Однако когда в следующем году император одержал победу, цены вернулись в прежнее состояние.

Улыбнувшись, Минлань попросила их сесть и приказала Сяотао налить чай.

— То есть, цены на зерно в этом году выше, чем в прошлом, и это правильно, — Сянь пролистала ветхую учётную книгу. — Однако в следующие несколько лет мира, продукты и зерно в изобилии, поэтому неправильно поднимать цены на продукты.

Сделав глоток чая, Жун едва не обожглась, и поспешно пробормотала:

— Мы думаем, дело обстояло как-то так, теперь у нас меньше сомнений.

Вывод: даже за пожилыми людьми, которые давно у вас служат, стоит присматривать, ведь иначе можно упустить момент, как бывает, когда в шкафу внезапно заводится моль.

Минлань восхитилась их ответами и снова и снова хвалила и хлопала в ладоши:

— В моей семье есть дочери, и больше их нельзя назвать невежественными детьми. Хорошо сказано, хорошо!

Две маленькие девочки, слушая эти сладкие речи, покраснели, склоняли головы, но всё равно выглядели гордыми и самодовольными.

Минлань попросила Сяотао принести две заранее подобранные и приготовленные шпильки: одна была из красного золота с красным драгоценным камнем, с несколькими большими жемчужинами, свисающими с конца, другая была из белого нефрита с зелёным камнем с размером с фалангу пальца, они обе ярко сияли.

Как только два этих сокровища были продемонстрированы, дом, казалось, засиял, а обе девушки замерли в изумлении.

Минлань и раньше дарила им украшения, но раньше они были небольшими: маленькие серьги, маленькие кольца. Большинство из них были предназначены для ежедневного ношения. Эти же два украшения выглядели очень, очень дорого.

Сянь отреагировала первой и поспешно подтолкнула Жун к шпилькам, но та была ни жива, ни мертва. После долгих уговоров Минлань, они, наконец, приблизились к украшениям, подталкивая друг друга. Наконец, Сянь нерешительно взяла белую нефритовую шпильку с зелёным камнем, а Жун радостно забрала золотую с красным. В этот вечер они поужинали вместе с Минлань и, выпив немного фруктового чая, с красными щеками и подарками вернулись в свои покои.

Увидев шпильку из белого нефрита, Шао Ши была шокирована. Внимательно осмотрев её на свету, она пробормотала:

— Это редкая хорошая вещь...

Даже среди вещей, оставленных её покойным мужем, мало что могло сравниться с этой шпилькой.

— Тётя сказала, что мы обе — хорошие дети, которые не просто усердно учатся, но также умны и стремятся к знаниям, — настойчиво произнесла Сянь, в её голосе слышалась гордость. — Я получила это благодаря своим способностям.

Шао Ши долго размышляла об услышанном.

— Похоже, твоя тётя собирается подыскать жениха для Жун, — внезапно произнесла она. — Верно, и впрямь собирается... Она уже большая девочка. Однако нехорошо дарить столь драгоценную вещь лишь ей, поэтому она нашла повод, чтобы подарить вам обеим.

— О, мама, ты снова начинаешь! Что за вздор! — громко возмутилась Сянь и обхватила ладонями своё горящее от смущения лицо.

— Глупый ребёнок, ты не понимаешь, — обняв дочь, ласково произнесла Шао Ши. — Когда-то твой отец очень плохо относился к твоему второму дяде... Перед своей смертью он беспокоился лишь о том, что его младший брат рассердится...

— Я думаю, что второй дядя очень хороший, — заметила Сянь.

— Ты только что поела в их покоях, и потому думаешь, что он хороший? — щёлкнув дочь по носу, пошутила Шао Ши.

— Второго дяди сегодня нет, он отправился с визитом в семью Чжэн, чтобы выпить вина в честь первого лунного месяца со дня рождения ребёнка.

— Кто знает, возможно, он всё ещё ненавидит твоего отца... Однако твоя тётя очень добрая... — покачав головой, сказала Шао Ши.

Мать и дочь обнялись, затем Сянь подняла голову.

— Мама, неужели тётя действительно собирается найти мужа для сестры Жун? — ей действительно не нравилось услышанное, если Жун выйдет замуж, она ведь останется в этом поместье совсем одна.

— Откуда мы можем это знать? — с улыбкой ответила Шао Ши. — В конце концов, твоя мать никогда не обладала обширными знаниями, так что, возможно, она снова ошиблась. Я не уверена, что права.

Однако на этот раз Шао Ши была права.

Как только Гу Тинъе вернулся домой, принеся с собой запах алкоголя, он приник к животу Минлань и начал нести чепуху:

—...девочка из семьи Чжэн неплоха, но она намного слабее, чем наш сын, и едва может открыть глаза. Когда мы праздновали месяц с рождения нашего сына, он совсем не боялся, и даже поцарапал кого-то. Хе-хе... — он положил руку на живот Минлань и расхохотался. — Если у нас будет дочь, она должна быть такой же белой, маленькой и толстой, как наш сын. С большими глазами и красивым ртом... — он указал на губы Минлань. — Пусть будет милой и красивой, и не создаёт проблем... И, конечно, она не может быть слишком честной, как то маленькое отродье...

Минлань долго слушала, как он говорит глупости и, не удержавшись, закатила глаза — мысленно, правда. Она прекрасно знала, что этот глупый мужчина с нетерпением ждал от неё рождения дочери, но пол ребёнка был тем, что она не контролировала и не могла знать. Он думает, что он делает покупки на Таобао или что? Его требования были слишком конкретными и всеобъемлющими!

—...В будущем я выберу хорошего зятя. Если он будет увлекаться боевыми искусствами, он должен быть чемпионом! Если он будет изучать литературу... — Гу Тинъе не слишком ясно представлял себе стандарты, по которым отбирались учёные. — Он должен быть первым на всех экзаменах, иначе никогда не сможет жениться на моей дочери! — в конце концов, с гордостью произнёс он.

Минлань едва не поперхнулась чаем. Хлопнув по столу рукой, она потянула свободной рукой мужчину за ухо, и возмутилось:

— Проснись, папочка, с момента основания династии, такое случалось едва ли несколько раз. Как долго твоя дочь должна ждать?!

Гу Тинъе потёр ухо, и ответил с широкой улыбкой:

— Тогда... Он должен быть в тройке лидеров, независимо от того, какое место он займёт... Наверное, это, даже, приемлемо...

— А что, если будет не девочка? — Минлань ощущала бессилие. — Или, если она будет некрасивой и слабой?

— Как такое может быть?

— Что в этом невозможного? Госпожа Дуань хорошо выглядит, однако её вторая дочь... ТЦ.. — Дуань и его жена оба были полны достоинства, кто знает, как они расстроились.

Гу Тинъе даже протрезвел от испуга.

— Нет, нет... — пробормотал он.

— Хорошо, давай поговорим о делах. Я не хотела говорить об этом прямо сейчас, но, раз уж хоу упомянул об этом, давайте обсудим, — Минлань энергично встряхнула своего мужа за плечо. — Разве у тебя уже нет маленькой дочери? Она уже совсем девушка, пора начать беспокоиться о её браке.

—...Жун? — через некоторое время уточнил Гу Тинье. — А сколько ей лет?

— Сейчас ей одиннадцать, после нового года будет двенадцать, — зло ответила Минлань. Как он смел мечтать о белой маленькой девочке с большими глазами, когда даже не знал, сколько лет старшей дочери?

— Это... немного рано?.. — Гу Тинье был немного ошеломлён этим предложением.

— Что значит рано? Ты думаешь, зять — это овощ, который растёт на заднем дворе, и ты сможешь в любой момент прийти и собрать его? — возмутилась Минлань. — Трудно найти хорошего мужа для девушки её положения! Разве поиски обычно не занимают несколько лет? — она сцепила пальцы перед собой, думая о свахах. — Сейчас я уже ищу для неё мужа, и понимаю, что для решения понадобится много времени. Возможно, что и несколько лет. Приняв решение, мы должны будем подготовиться к браку. Провести шесть церемоний... Если муж будет жить далеко от столицы, необходимо будет съездить и посмотреть, как на самом деле идут дела в семье будущего зятя!

Сестра Жун находилась в довольно затруднительном положении. Ей легко было бы стать чьей-то наложницей, но очень трудно было найти подходящую семью, в которую она могла бы войти главной женой.

— Я поражён, что ты можешь столько думать о ней, — честно признался Гу Тинье.

— Даже когда мою бабушку отравили, я никогда не думала о том, чтобы мстить детям моей тёти, — прошептала Минлань. Перенос преступлений родителей на детей не соответствовал её понятиям о законах и справедливости.

— Тогда что мне делать с этим делом? Моя жена, пожалуйста, направь меня, — Гу Тинье поднял руки перед собой, чтобы попросить совета, и широко улыбнулся.

Минлань ощутила, как её настроение приподнимается: на самом деле, быть беременной означало умирать от скуки, и по будням ей часто хотелось деятельности.

Она достала несколько бумаг, лежащих на столике у кровати, и продекламировала:

— Это несложно! Нужно будет сходить к некоторым коллегам домой, чтобы выпить, или

посоревноваться с ними на поле, или вы пособирайте слухи... Нас интересует любая информация: не важно, об их сыновьях или о достойных сыновьях их родственников, есть ли у них выдающиеся потомки, которые могут нас заинтересовать? Только будь осторожен.

— Люди, которые могут убивать людей, не меняя выражения лица, точно нас не интересуют. Мы можем рассмотреть кого-то, кто хорош в боевых искусствах, или просто найдём какого-нибудь учёного, который точно не будет драться с женой в будущем. Не думаю, что это так уж сложно!

— Он должен иметь хорошее здоровье, она не может стать вдовой, пока ещё молода. Это не то же самое, что быть сильным. Главное, чтобы он был здоровым, так что тебе нужно уделять больше внимания телам людей. Узнать, какими, болезнями подвержены старейшины их семей, как долго они живут. Семейное происхождение не слишком высокое, и не слишком низкое. Если оно слишком высокое, жених может быть оскорблён необходимостью жениться на дочери наложницы, если оно слишком низкое, хоу будет обижен. Хоу должен выбрать происхождение жениха, основываясь на том, что говорит сердце. Лучше всего будет, если в доме будет не слишком много людей. Если же в семье много людей, то отношения должны быть хорошими. Важна семейная гармония. Гармония — это самое главное, — Минлань глубоко вздохнула и, переведя дух, покрасневшая, продолжила. — Учёных нужно рассматривать особенно строго. Каждый раз, когда они в своей праведности подставляют невинных ради власти... Они — самые отвратительные люди из всех возможных. Не смотрите на всех тех, кто мягок, уважителен и осторожен. Кто знает, что творится в их головах? Те, у кого есть хоть немного славы, но нет достойной работы, самые опасные! — она закашлялась и, выпив чаю, продолжила. — Хоу не знает, но у меня был очень невыносимый двоюродный зять!.. Бедная Шулань... Забудь об этом, я не хочу о нём говорить!

— Главная госпожа, вы закончили? — поддразнил Гу Тинье, смотря на свою покрасневшую, необъяснимо из-за чего взволнованную жену.

— Э-э-это... тут ещё немного, около трёх или девяти тезисов...

— Говори медленнее, — рассмеялся Гу Тинье. — Почему бы тебе не выпить чашку чая для начала?

Минлань выпила чай и, отодвинув чашку, произнесла твёрдым голосом:

— Он не может быть, как Тинцань, осведомлённым о доступных и редких товарах, относиться к другим легкомысленно и запирается в своих покоях. Остерегайтесь высокомерных! Мы должны учесть всё вышеперечисленное, и этого всё ещё может оказаться недостаточно. Есть другие вещи, на которые нужно обратить внимания: помимо семейного происхождения, прочих родственников, таланта... Ничто из этого не может быть обнаружено за один день. Мы должны всё проверить заранее. Выдать дочь замуж не так уж просто. Если брак первой дочери не удался, если первая битва проиграна, то о каких победах в следующих битвах может идти речь? Так называемая победа в этой битве может быть достигнута только с первого раза! У нас нет сотни попыток!

Гу Тинъе промолчал.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1876473>